

ИЗЪ ИТАЛИИ.

Т у р и н ъ.

III.

Реакція противъ социальной комедіи сдѣлалась особенно жива въ последнее время во флорентійской и римской печати, благодаря труппѣ Миро-Лина. Социальное „дѣланье на луну“, какъ выражается д'Аркаусъ, и безъ того уже надѣло и публикѣ, и критикѣ, когда на подмогу явилась труппа Миро-Лина, которую я имѣлъ счастье изучать отчасти во Флоренціи и преимущественно въ Римѣ.

Что же это за труппа? Она имѣетъ два огромныя достоинства: 1) она отлично составлена для исполненія пьесъ избраннаго ею репертуара, 2) ея репертуаръ не похожъ на репертуаръ другихъ труппъ.

Труппа Миро-Лина играетъ на венеційскомъ нарѣчій, на которомъ написаны лучшія комедіи Гольдони. Имя Гольдони звучитъ громко даже у насъ, хотя мы его совсѣмъ не знаемъ: каково же звучно оно въ родной землѣ! Заслуга Миро-Лино заключается въ томъ, что онъ воскресилъ Гольдони для итальянской сцены; до него Гольдони давался при пустыхъ театрахъ, и антрепренеры утверждали, что публика не любитъ Гольдони, что онъ устарѣлъ. Въ сущности, неудачъ обуславливался дурнымъ выборомъ пьесъ, либо слабыхъ, либо всѣмъ извѣстныхъ, но дурно разыгранныхъ.

Гольдони, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу первостепенныхъ драматурговъ, изученіе которыхъ обязательно для всякаго занимающагося театральнымъ дѣломъ. Онъ написалъ въ свою жизнь множество комедій, и слабыхъ, и превосходныхъ, и посредственныхъ. По нашей терминологіи, Гольдони писатель *бытовой*. Онъ весь въ рисовкѣ характеровъ и нравовъ и не особенно заботится о быстротѣ дѣйствія. Оно идетъ въ его комедіи не спѣша, порой затягивается, но выставленныя лица такъ интересны, что комедія смотрится легко и даже

увлекательно. Тѣ русскіе критики которые, обладая единственнымъ свѣдѣніемъ въ театральномъ дѣлѣ, а именно тѣмъ, что слово драма значитъ дѣйствіе, толкуютъ весьма много объ отсутствіи дѣйствія у Островскаго и вѣроятно останутся недовольны ходомъ комедій у Гольдони, если послѣднего не спасетъ его иностранное имя. Къ ихъ поученію замѣчу, что въ драмѣ существуетъ такое же отношеніе между быстротой дѣйствія и рисовкой характеровъ, какъ въ машинахъ между временемъ и силой. Тѣмъ терпится время, тамъ выигрывается сила, и наоборотъ. Есть тапы комедій гдѣ дѣйствіе самое килучее (например испанская, у Кальдерона), но за то обрисовка характеровъ самая слабая, ограничивающаяся одними общими чертами. Искусство драматурга состоитъ въ приведеніи въ равновѣсіе этихъ двухъ функцій, быстроты дѣйствія и рисовки характеровъ, а не въ исключительной заботѣ о дѣйствіи. Когда въ *Много шуму изъ пустяковъ* Бенедиктъ сражается съ Беатриче, то дѣйствія никакого не происходитъ, а между тѣмъ сцены эти остаются одними изъ лучшихъ у высочайшаго драматурга. И такихъ примѣровъ можно бы много привести изъ Шекспира и Мольера. Но на бѣду, большинство критиковъ, особенно у насъ, считаютъ себя судьями и разглазываютъ о какихъ-то законахъ искусства. Судья, осуждая провинившагося гражданина, ссылается на извѣстную статью свода законовъ; критикъ же вообще на законы искусства, существующіе въ его воображеніи. Въ области искусства не можетъ быть, или, вѣрнѣе, не должно бы быть, придуманныхъ на досугѣ законовъ; законы искусства (какъ законы природы) могутъ быть выведены только изъ изученія произведеній искусства, и критикъ давно бы пора самымъ дѣятельнымъ образомъ вступитъ на научную почву изученія и оставить судейскій тонъ. Но быть судьей такъ заманчиво, особенно судьей на старинный ладъ; къ сожалѣнію, не во всѣ судьи обнаруживаютъ такую мудрость какъ Санхо-Панса. Но возвращаюсь къ Гольдони.

Итакъ, Гольдони писатель по преимуществу бытовой. Онъ живъ и, по своему, веселъ, онъ отлично умѣетъ смѣяться, безъ всякой натяжки, просто, неожиданно. Я замѣчалъ, что публика, внимательно слушающая Гольдони, порой разражалась самымъ неудержимымъ и громкимъ хохотомъ надъ какою-нибудь фразой, которая сама по себѣ не особенно комична. Собственно не надъ фразой и смѣялись, а тутъ являлся перерывъ вниманія, и воспоминался весь предыдущій ходъ комедіи; при этомъ быстротечнымъ воспоминаніемъ невозможно удержаться отъ смѣха. Гольдони сантименталенъ, когда пускается въ поученіе, напримеръ, въ своей *La bona mare* которую надо перевести не „добрая“, а „примѣрная“ мать. Иногда онъ сосредоточиваетъ интересъ по преимуществу на одномъ лицѣ, такова старая Французенка съ нѣжнымъ сердцемъ въ *Una delle ultime sere der Carnevale di Venezia* (Однимъ изъ послѣднихъ вечеровъ венеційскаго карнавала). Въ этой комедіи дѣйствіе самое ничтожное; весь интересъ въ нравахъ, въ рисовкѣ различныхъ паръ мужей и женъ; но надъ всѣмъ царитъ такая ясная и улыбающаяся атмосфера что любо-дорого смотреть. Чтобы ближе познакомиться вась съ Гольдони, позвольте обратить большее вниманіе на одну изъ его превосходнѣйшихъ комедій *I Rusteghi*; порусски, кажется, удачно всего можно перевести это заглавіе словомъ „Мужланъ“. Тутъ мы знакомимся съ особымъ типомъ Венеційцевъ, по преимуществу

торговцевъ. Что за нравы! Порой кажется, что дѣйствіе происходитъ не въ Венеціи, а въ Москвѣ-рѣкой, или даже въ старинной Руси. Въ комедіи выставлены четыре „мужлана“, и характеръ каждаго отгнѣнъ болѣе или менѣе улично. Одинъ—настоящій медвѣдь, все ворочитъ и бурчитъ; онъ самый полный представитель типа, онъ, такъ-сказать, философъ между мужланами, умѣетъ выставить свои привычки въ хорошемъ свѣтѣ, похвалитъ ихъ. Другой храбръ только въ обществѣ единомышленниковъ, а коли жена на него прикрикнетъ, то празднуетъ трусу; третій—какъ-то опредѣленнѣе и настоячнѣе въ своей неотесанности; четвертый совсѣмъ мраченъ; худой и небритый, онъ мало и говоритъ, и рѣдко является на сцену, но черезъ это именно и производитъ особое впечатлѣніе. Ихъ мужланство обнаруживается въ семейной жизни. „Скоро шестнадцать мѣсяцевъ какъ я замужемъ, а сводилъ ли меня куда-нибудь вышъ-отца?“ жалуется махиша своей ладчерицѣ. Но и ладчерицѣ не легче: у нея нѣтъ порядочнаго платья, она все сама должна дѣлать даже мыть тарелки. Отецъ, видите, ко всему причастъ ее сызнала. Не то чтобъ онъ былъ скупъ, а не тратитъ же денегъ по пустякамъ. Если дочку выдать замужъ, то ей вовсе не слѣдуетъ даже видѣть жениха; довольно, что отцы переговорятъ между собою. Другой отецъ столь же строго воспитываетъ сына; какакихъ удовольствій, работай и въ лавкѣ, и дома; въ праздничныя свѣдѣи что надо, и дома; безъ присауги его до двѣдцати лѣтъ не пускали по улицѣ. Гости вообще считаются людьми лишними; можно порой собраться, но своею компаніей, посидѣть и покусать, повеселиться, но тихо, мирно, а по театрамъ и маскарадамъ отнюдь не ходитъ. „Я ни разу не былъ въ театрѣ“, хвалится одинъ; „а мени разъ силой затащили въ оперу, и я тамъ проспалъ все время“, подлакиваетъ другой. Жену нужно держать въ повиновеніи. „Мы не будемъ обѣдать дома сегодня“, говоритъ мужъ женѣ. Той, естественно, хочется узнать гдѣ они будутъ обѣдать. „Куда мы пойдемъ обѣдать?“ спрашиваетъ она. „Ты пойдемъ со мной.“ „Да куда?“ „Куда я тебя поведу.“ И точно, развѣ не довольно когда мужъ знаетъ куда пойдеть обѣдать? Какъ ни допытывается жена, мужъ не говоритъ. „Неужто я пойду не зная куда.“ „Да, хозяйка“ (такъ Венеційцы называли своихъ женъ). „Я не пойду, коль не скажешь куда.“ „И останешься дома безъ обѣда.“

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ разсужденій этихъ „мужлановъ“, выросшихъ такъ, что у одного были замужнія сестры, и онъ видѣлъ ихъ во всю свою жизнь не больше десяти разъ, а другой почти никогда не говорилъ съ своею матерью. Не мудрено, что они увѣрены, что „теперь нѣтъ такихъ молодыхъ людей, какіе были въ ихъ времена, когда дѣлали ни больше, ни меньше какъ что приказывалъ государь-батюшка (sig. rege)“. А кто портитъ молодежь, разсуждаютъ они? Все матери. Вѣчно толкуютъ: надо ему поразвлечься, бѣдняжкѣ! Или ты хочешь, чтобъ онъ умеръ съ тоски? „Придуть гости; она зоветъ его: поди сюда, сынъ; поглядите, сынъ-боя Лукреція, развѣ не хочется приласкать, поцѣловать его! Еслибы знали какой онъ умиль!“ Поетъ лѣсенки. Говорю только такъ, а онъ все умѣетъ дѣлать: танцуетъ, въ карты играетъ, пишетъ советы. Знаете? у него есть возлюбленная, и онъ говоритъ, что хочетъ на ней жениться... Милашка! поди сюда, жизнелюбъ; поцѣлуй сынъ-боя Лукрецію... Фу! мерзость, срамъ; безумныя женщины“. Впрочемъ, порядочная женщина, эти сынъ-боя дѣлаютъ ихъ. Женщины вещь де хорошая, и могутъ нравиться, только... дома, и чтобъ одинъ